

## Алексис де Токвиль

### «О том, как американская демократия проводит внешнюю политику»

*Направление внешней политики Соединенных Штатов, определенное Вашингтоном и Джефферсоном. – В ведении внешней политики проявляются почти все недостатки, свойственные демократии, а ее достоинства малочувствительны в этой сфере.*

Мы уже знаем, что, согласно федеральной конституции, интересы нации, связанные с внешней политикой страны, находятся в руках президента и сената; по этой причине общая политика Союза выпадает в определенной степени из-под прямого и повседневного влияния народа. И следовательно, нельзя категорически утверждать, что в Америке именно демократия проводит внешнюю политику государства.

Известны два человека, сообщившие политике американцев определенное направление, которого страна придерживается и сегодня: первый – Вашингтон, второй – Джефферсон.

В великолепном послании, адресованном соотечественникам и представляющем собой как бы политическое завещание этого великого человека, Вашингтон писал: «Завязать торговые отношения с зарубежными народами и установить как можно меньшие политические связи между ними и нами – таким должно быть правило нашей политики. Мы с точностью должны выполнять уже заключенные договоры, но ни в коем случае не заключать новых.

У Европы есть свои интересы, которые никак не связаны с нашими или связаны с ними весьма косвенно; она часто бывает вынуждена ввязываться в конфликты, не имеющие, естественно, никакого к нам отношения; привязывать себя искусственными нитями к превратностям европейской политики, вступать в разного рода сформировавшиеся на ее территории дружественные и враждебные союзы и принимать участие в войнах, которые между ними возникают, означало бы действовать неосторожно.

Изолированность и удаленность от Европы побуждают нас принять иной путь и позволяют пойти по этому пути. Если мы будем продолжать оставаться единым народом с сильным правительством во главе, то недалеко то время, когда нам нечего и некого станет бояться. Тогда мы сможем вести себя так, чтобы заставить уважать свой нейтралитет; воюющие страны, чувствуя, что не могут на нас нажиться, побоятся беспричинно провоцировать нас; и мы окажемся в таком положении, в котором сможем выбирать мир или войну, руководствуясь только собственными интересами и справедливостью.

Почему мы должны отказываться от тех преимуществ, которые можно извлечь из столь благоприятной ситуации? Почему мы должны вместо того, чтобы заботиться о собственной территории, утверждать себя на чужой? Почему, наконец, связывая свою судьбу с судьбой какой-нибудь части Европы, мы должны рисковать своим миром и процветанием ради властолюбия, соперничества, интересов или капризов народов, населяющих ее?

Сущность истинной политики для нас состоит в том, чтобы не вступать в постоянный союз ни с одним зарубежным государством, по крайней мере настолько, насколько мы вольны этого не делать, ибо я далек от того, чтобы желать невыполнения уже имеющихся договоров, это правило в равной степени применимо и к межгосударственным отношениям, и к поведению индивидуумов. Итак, я считаю, что необходимо в полном объеме выполнять те обязательства, которые мы уже приняли, а вступать в новые – вредно и неосторожно. Нам нужно вести себя так, чтобы нас уважали, и временных союзов нам вполне достаточно, чтобы противостоять любой опасности».

Еще до этого послания Вашингтон высказал прекрасную и справедливую мысль: «Народ, который отдает себя во власть привычных чувств любви или ненависти по отношению к другому народу, становится в какой-то степени рабом. Рабом своей ненависти или своей любви».

В своей политической деятельности Вашингтон всегда руководствовался высказанными им мыслями. Ему удалось сохранять мир в своей стране в то время, когда земной шар был объят войной, и он научно обосновал тезис, согласно которому американцы заинтересованы никогда не принимать участия во внутренних распрях Европы.

Джефферсон пошел дальше и ввел в политику Союза еще одно правило, гласившее: «Американцы никогда не должны просить у чужеземных наций преимущественных прав для себя, чтобы не быть обязанными предоставлять аналогичные права другим».

Эти два принципа, очевидная справедливость которых очень легко сделала их достоянием масс, до чрезвычайности упростили внешнюю политику Соединенных Штатов.

Поскольку Союз не вмешивается в дела Европы, то у него и нет спорных внешнеполитических интересов, среди соседей в Америке у него тоже еще нет. Находясь как в силу своего положения, так и в силу собственной воли вне страстей Старого Света, Союз имеет возможность либо окунуться в них, либо уберечь себя от них. Что же касается страстей, которые разыграются в Новом Свете, то будущее их пока скрывает.

Итак, Союз свободен от старых обязательств; он использует опыт стран Европы, не будучи обязанным в отличие от них извлекать уроки из прошлого и использовать их в настоящем; как и их, его никто не принуждает принять огромное наследие отцов – смесь славы и нищеты, дружбы и ненависти, связанных с национальными интересами. Внешняя

политика Соединенных Штатов в высшей степени выжидательная; ее задача состоит в том, чтобы скорее воздерживаться от какой бы то ни было деятельности, нежели действовать.

В данный момент трудно сказать, насколько умело американская демократия будет проводить свою внешнюю политику. По этому поводу и противникам, и друзьям американской демократии следует воздерживаться от высказывания своего мнения.

Мне же ничто не мешает изложить свою точку зрения: именно в области государственной внешней политики демократические правительства мне представляются решительно слабее в сравнении с другими. Опыт, нравы и образование в конце концов всегда развивают в демократической стране так называемый практичный, годный на каждый день ум и умение разбираться в бытовых событиях, что еще называют здравым смыслом. Его вполне достаточно для обычной жизни общества, поскольку польза, которую приносит просвещенному народу демократическая свобода, перевешивает те несчастья, к которым приводят ошибки демократического правления. Но в отношениях с другими народами дело обстоит иначе.

Ни одно присущее демократии свойство не может быть полезно для внешней политики. Напротив, она требует свойств, которыми демократия не располагает. Демократия способствует росту внутренних ресурсов государства, благоприятствует распространению достатка и развитию общественного сознания, укрепляет уважение к закону в различных классах. Но все это имеет лишь косвенное отношение к тому месту, которое один народ занимает среди других народов. А демократии нелегко увязывать все детали крупного дела, останавливаться на каком-либо замысле и упорно проводить его в жизнь, несмотря на препятствия. Она не способна тайно принимать какие-либо меры и терпеливо ждать результатов. Все это значительно лучше удастся правлению одного человека или аристократическому правлению. В то же время именно все это необходимо для того, чтобы со временем один народ возвысился над другим, подобно тому как один человек возвышается над другими людьми.

Рассматривая недостатки, свойственные аристократическому правлению, вы обнаружите, что они не оказывают почти никакого влияния на внешнюю политику государства. Основной порок аристократии заключается в том, что она работает только на самое себя и пренебрегает народными массами. Что же касается внешней политики, то в ней интересы аристократии и народа обычно совпадают.

Склонность демократии руководствоваться в политике скорее чувствами, нежели разумом и жертвовать обдуманно задуманными замыслами рад и преходящей страсти особенно ярко проявилась в Америке во время Французской революции. Тогда, как и сегодня, американцам

не надо было иметь много ума, чтобы понимать, что отнюдь не в их интересах развязывать войну, хотя она и могла залить кровью Европу, не причинив вреда Соединенным Штатам.

Однако симпатии американского народа к Франции были так горячи, что война не была объявлена Англии только благодаря несгибаемому характеру Вашингтона и его огромной популярности. Кроме того, борьба этого великого обладателя сурового разума против благородных, но безрассудных страстей своих сограждан едва не лишила его единственной награды, к которой он всегда стремился, – признательности своей страны. Тогда большинство высказалось против проводимой им политики, теперь же весь народ одобряет ее<sup>19</sup>.

Конституция и общественное расположение позволили Вашингтону принимать решения, касающиеся внешней политики государства, иначе народ сделал бы тогда именно то, что сегодня он осуждает.

Во главе всех народов, оказывавших сильное влияние на мир, тех, которые создавали, развивали и воплощали великие замыслы, начиная от римлян и кончая англичанами, стояли аристократы. И это неудивительно.

Взгляды аристократов отличаются удивительной прочностью. Страсти или невежество могут поколебать убеждения народных масс. Можно обмануть монарха и заставить его усомниться в правильности его замыслов. Кроме того, монарх смертей. Что касается аристократического сословия, оно, с одной стороны, слишком многочисленно, чтобы поддаться на обман, а с другой – слишком малочисленно, чтобы уступить безрассудным страстям. Аристократия – образованна, последовательна в действиях и бессмертна.